

ОШО 100 миллионов
читателей

Свобода

Храбрость быть собой

ОШО КЛЮЧИ
К НОВОЙ ЖИЗНИ

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)

Свобода. Храбрость быть собой

Серия «Ключи к новой жизни»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10439611

Ошо Свобода. Храбрость быть собой: ИГ «Весь»; СПб; 2015

ISBN 978-5-9573-0129-5

Аннотация

Тысячелетиями человечество мечтает о свободе и борется за нее, творя нелепости и принося в жертву бесчисленное количество людских жизней. Эта книга для тех, кто хочет обрести истинную свободу: свободу быть собой. Здесь вы найдете указатели на пути к свободе. Она собрана из бесед, в которых с состраданием и юмором Ошо раскрывает тайны этого путешествия и ведет читателя к пробуждению души. «Свобода – это кульминационный опыт жизни, – говорит Ошо. – Любовь – это цветение вашей свободы. Не оставайтесь карликами. Пытайтесь достичь предельных высот, к которым вы только способны».

Содержание

Предисловие. Три Измерения Свободы	5
Понимание корней рабства	15
Общество и Свобода Индивидуальности.	17
Интервью	
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ошо

Свобода. Храбрость быть собой

Свобода означает способность сказать «да», когда нужно «да», сказать «нет», когда нужно «нет», а иногда промолчать, когда ничего не нужно, – быть в молчании, ничего не говорить. Когда все эти составляющие доступны, это и есть свобода.

Ошо

OSHO

Freedom: The Courage to Be Yourself

Все фотографические и графические материалы используются с разрешения Osho International Foundation.

ОШО является зарегистрированной торговой маркой и используется с разрешения Osho International Foundation. www.osho.com/trademarks

Все права защищены.

Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation, Bahnhofstr/52, 8001 Zurich, Switzerland, www.osho.com

Предисловие. Три Измерения Свободы

Свобода – это трехмерное явление. Первое ее измерение – физическое. Вы можете быть порабощены физически, и тысячи лет человека продавали на рынке как любой другой товар. Рабство существовало во всем мире. Рабам не предоставлялось человеческих прав; они не были принимаемы как человеческие существа, они не считались в полной мере людьми. И с некоторыми людьми все еще не обращаются как с людьми. В Индии есть *шудры*, неприкасаемые. Считается, что даже прикосновение к ним делает человека нечистым; тот, кто дотронулся, должен немедленно совершить омовение. Даже прикосновение не к самому человеку, но к его тени – омовение требуется даже тогда. Значительная часть Индии все еще живет в рабстве; по-прежнему есть части страны, где люди не могут получить образования и имеют доступ только к тем профессиям, которые были определены традицией пять тысяч лет назад.

Во всем мире тело женщины не считается равным телу мужчины. Она не так свободна, как мужчина. В Китае много веков муж имел право убить жену, безнаказанно, потому что жена была его собственностью. Точно так же, как вы можете поломать стул или сжечь свой дом – потому что это ваш

стул, это ваш дом – а это была ваша жена. В китайском законе не было предусмотрено наказания для мужа, который убил свою жену, потому что она считалась лишенной души. Она была только воспроизводящим механизмом, фабрикой по производству детей.

Таким образом, есть физическое рабство. И есть физическая свобода – ваше тело не заковано в цепи, не относится к низшей категории, и в том, что касается тела, существует равенство. Но даже сегодня такая свобода существует не везде. Рабства становится меньше и меньше, но оно еще не исчезло полностью.

Свобода тела означает, что нет никакого разделения между черными и белыми, нет никакого разделения между мужчиной и женщиной, нет никакого разделения в том, что касается тела. Никто не чист, никто не грязен; все тела – одни и те же.

Это – само основание свободы.

Затем, второе измерение – психологическая свобода. Очень немногие индивидуальности в мире психологически свободны... потому что, если ты – мусульманин, ты не свободен психологически; если ты – индуист, ты не свободен психологически. Весь наш образ воспитания детей направлен на то, чтобы сделать их рабами – рабами политических идеологий, социальных идеологий, религиозных идеологий. Мы не даем детям ни малейшего шанса думать самим, искать свое собственное видение. Мы насильно отливаем их умы в

заготовленные формы. Мы набиваем их умы хламом – вещами, которых мы сами не пережили. Родители учат детей, что есть Бог, – сами ничего не зная о Боге. Они говорят детям, что есть рай и ад, – сами ничего не зная о рае и аде.

Вы учите детей вещам, которых не знаете сами. Вы просто обуславливаете их умы, потому что ваши собственные умы были обусловлены вашими родителями. Таким образом болезнь продолжает передаваться от одного поколения к другому.

Психологическая свобода будет возможна, когда детям будет позволено расти, когда детям станут помогать расти к большему интеллекту, к большему разуму, к большему сознанию, к большей бдительности. Им не будет внушаться никакого верования. Их не будут учить никакого рода вере, но будут всеми способами поощрять к поиску истины. И им будут напоминать с самого начала: «Ваша собственная истина, ваша собственная находка освободит вас; ничто другое этого для вас не сделает».

Истину нельзя заимствовать. Ее нельзя изучить по книгам. Никто не может вам ее сообщить. Вам придется самим обострить свой разум, чтобы вы смогли заглянуть в существование и ее найти. Если ребенка оставить открытым, восприимчивым, бдительным и поощрять к поиску, у него будет психологическая свобода. А с психологической свободой приходит огромная ответственность. Вам незачем учить ребенка ответственности; она приходит как тень психоло-

гической свободы. И он будет вам благодарен. Обычно же каждый ребенок зол на родителей, потому что они его разрушили: уничтожили его свободу, обусловили его ум. Еще прежде, чем он задал вопросы, его ум наполнили ответами, каждый из которых был подделкой – потому что не основывался на собственном опыте родителей.

Весь мир живет в психологическом рабстве.

И третье измерение свободы есть свобода предельная – состоящая в знании того, что вы – не тело, в знании того, что вы – не ум, в знании того, что вы – лишь чистое сознание. Такое знание приходит путем медитации. Оно отделяет вас от тела, оно отделяет вас от ума, и, в конце концов, вы присутствуете лишь как чистое сознание, как чистая осознанность. Это – духовная свобода.

Вот три основных измерения свободы индивидуальности.

У коллектива нет души, у коллектива нет ума. У коллектива нет даже тела; есть только название. Это только слово. У коллектива никакой необходимости в свободе нет. Когда все индивидуальности свободны, будет свободным и коллектив. Но нас очень впечатляют слова, впечатляют настолько, что мы забываем, что в словах нет ничего вещественного. Коллектив, общество, сообщество, религия, церковь – все это слова. За ними не стоит ничего реального.

Мне это напоминает одну небольшую историю. В сказке «Алиса в Зазеркалье» Алиса оказывается во дворце короля. И король спрашивает ее:

– Не встретила ли ты по пути гонца, направляющегося ко мне?

И маленькая девочка отвечает:

– Мне никто не встретился.

И король думает, что «Никто» – это кто-то, и он спрашивает:

– Но почему же тогда Никто еще сюда не добрался?

Маленькая девочка говорит:

– Сэр, никто значит никто!

И король говорит:

– Не говори глупостей! Я понимаю: Никто и есть Никто, но он должен был прибыть раньше тебя. Кажется, Никто не ходит медленнее тебя.

И Алиса говорит:

– Это абсолютно неправильно! Никто не ходит быстрее меня!

И таким образом этот диалог продолжается. В продолжение всего диалога «никто» становится кем-то, и Алисе невозможно переубедить короля, что «никто» и есть никто.

Коллектив, общество – все это только слова. То, что реально существует, – это индивидуальность; иначе возникает проблема. Что такое свобода для Ротари-клуба? Что такое свобода для Клуба Львов? Все это только названия.

Коллектив – это очень опасная идея. Во имя коллектива индивидуальность, живая реальность, всегда приносится в жертву. Я абсолютно против этого.

Нации приносят индивидуальности в жертву во имя нации; а «нация» – это лишь слово. Линий, которые вы прочертили на карте, на земле нигде нет. Это только ваша игра. Но, сражаясь из-за этих линий, которые вы прочертили на карте, миллионы людей умерли – реальные люди умирают ради нереальных линий. И вы делаете их героями, национальными героями!

Идея коллектива должна быть полностью разрушена; иначе тем или иным образом мы будем продолжать приносить индивидуальность в жертву. Мы жертвовали индивидуальностью во имя религии в религиозных войнах. Мусульманин, гибнущий в религиозной войне, знает, что ему гарантирован рай. Священник ему сказал: «Если ты умираешь за ислам, тебе надежно гарантирован рай, со всеми удовольствиями, которые ты только можешь вообразить и о которых только мог мечтать. И человек, которого ты убил, тоже попадет в рай, потому что он был убит мусульманином. Для него это привилегия, поэтому ты не должен чувствовать себя виноватым за то, что убиваешь человека». У христиан были крестовые походы – джихады, религиозные войны, и они убивали тысячи людей, сжигали человеческие существа заживо. Ради чего? Ради некой коллективности – ради христианства, ради буддизма, ради индуизма, ради коммунизма, ради фашизма; подойдет что угодно. Любого слова, представляющего некую коллективность, достаточно, чтобы можно было принести ради него в жертву индивидуальность.

У коллективности нет даже причины для существования: индивидуальности достаточно. И если у индивидуальностей есть свобода, если они психологически свободны, духовно свободны, тогда, естественно, духовно свободным будет и коллектив.

Коллектив состоит из индивидуальностей, не наоборот. Говорилось, что индивидуальность – это только часть коллектива; это неправда. Индивидуальность – не часть коллектива; коллектив – это только символическое слово, означающее собрание индивидуальностей. Они – не части чего бы то ни было; они остаются независимыми. Они остаются органически независимыми, они не становятся частями коллектива.

Если мы действительно хотим видеть мир свободным, нам придется понять, что во имя коллективности совершилось столько массовых жестокостей, что этому пора прекратить. Все коллективные названия должны утратить блеск, придаваемый им в прошлом. Индивидуальности должны быть величайшей ценностью.

* * *

Свобода *от* чего-то – не истинная свобода. Свобода *делать* то, что вы хотите делать, – тоже не та свобода, о которой я говорю. Мое видение свободы состоит в том, чтобы человек был собой.

Дело не в том, чтобы получить свободу *от* чего-то. Эта свобода не будет свободой, потому что она все еще вам дана; у нее есть причина. То, от чего вы чувствовали зависимость, все еще присутствует в вашей свободе. Вы этому обязаны. Без этого вы не были бы свободными.

Свобода делать то, что вы хотите делать, – тоже не свобода, потому что желание, стремление что-то «делать» возникает из ума – а ум и есть ваши оковы.

Истинная свобода приходит из невыбирающей осознанности, но, когда есть невыбирающая осознанность, свобода не зависит ни от вещей, ни от того, чтобы что-либо делать. Свобода, которая следует за невыбирающей осознанностью, – это просто свобода быть собой. И ты – уже ты, ты с этим рождаешься; поэтому свобода не зависит ни от чего. Никто не может тебе ее дать, никто не может у тебя ее отнять. Меч может отрубить тебе голову, но не может отрубить твою свободу, твое существо.

Это другой способ сказать, что вы центрированы, укоренены в своем естественном, экзистенциальном существе. Оно не имеет ничего общего ни с чем внешним.

Свобода от вещей зависит от чего-то внешнего. Свобода что-то делать также зависит от внешнего. Свободе быть предельно чистым не приходится зависеть ни от чего вне вас.

Вы рождаетесь свободными. Беда лишь в том, что обусловленность заставила вас об этом забыть. Нити остаются в чьих-то чужих руках. Если ты – христианин, ты остаешь-

ся марионеткой. Твои нити находятся в руках Бога, которого не существует, и, следовательно, просто чтобы дать тебе чувство, что Бог существует, нужны пророки, мессии, представляющие Бога.

Они никого не представляют, это просто эгоистические люди – но даже эго хочет низвести вас до марионетки. Они будут вам говорить, что вам делать, дадут вам Десять Заповедей. Они дадут вам личность – и каждый из вас будет христианином, иудеем, индуистом, мусульманином. Они дадут вам так называемое знание. И естественно, под тяжким бременем, которое на вас взваливают, начиная с самого детства, – под грузом Гималаев на ваших плечах – под всем скрытым и подавленным остается ваше естественное существо. Если вы сможете избавиться от всех обусловленностей, если вы сможете не считать себя ни коммунистом, ни фашистом, ни христианином, ни мусульманином...

Вы не родились христианином или мусульманином; вы родились чистым, невинным сознанием. Снова быть в этой чистоте, в этой невинности, в этом сознании – вот что я называю свободой.

Свобода – это кульминационный опыт жизни. Нет ничего выше. И в свободе в вас расцветут многие цветы.

Любовь – это цветение вашей свободы. Сострадание – еще одно цветение вашей свободы.

Все, что только есть ценного в жизни, расцветает в вас в невинном, естественном состоянии существа.

Поэтому не связывайте свободу с независимостью. Независимость – это, естественно, независимость *от* чего-то, *от* кого-то. Не связывайте свободу с тем, что хотите делать, потому что это – ваш ум, не вы. Желая что-то делать, стремясь что-то делать, вы остаетесь в оковах собственного желания и стремления. В свободе, о которой говорю я, вы просто *есть* – в полном молчании, безмятежности, красоте, блаженстве.

Стр:

Понимание корней рабства

Чтобы быть тотально свободным, человеку нужно быть тотально осознанным, потому что наши оковы коренятся в нашей бессознательности; они не приходят снаружи. Никто не может сделать вас не свободными. Вас можно уничтожить, но свободу отнять у вас нельзя. Если только вы не отдадите ее сами. При самом глубоком анализе не свободными вас делает всегда именно ваше нежелание быть свободными. Не свободными вас делает именно ваше желание оставаться зависимыми, сбросить с себя ответственность бытия собой.

В то мгновение, как вы принимаете ответственность за себя... И помните: этот путь не устлан одними лишь цветами роз, у роз есть и шипы; на этом пути не все сладко, есть и мгновения горечи. Сладость всегда уравнивается горечью, они всегда остаются в равной пропорции. Розы уравниваются шипами, дни – ночами, лета – зимами. Жизнь поддерживает равновесие между полярными противоположностями. Таким образом, человек, который готов принять ответственность бытия собой, со всеми красотами, со всей горечью, со всеми радостями и агонией, может быть свободным. Только такой человек может быть свободным...

Проживите это во всей агонии и во всем экстазе; то и

другое – ваше. И всегда помните: экстаз не может жить без агонии, жизнь не может существовать без смерти, и радость не может быть без печали. Такова природа вещей – изменить в этом ничего нельзя. Это сама природа, дао вещей.

Примите ответственность бытия собой, такими как есть, со всем, что в этом есть хорошего и плохого, со всем, что в этом есть красивого и не красивого. В этом принятии происходит выход за пределы, и человек становится свободным.

Общество и Свобода Индивидуальности. Интервью

Представляется, что социальные правила являются основной потребностью человеческих существ. Все же ни одно общество до сих пор не помогло человеку реализовать себя. Не будете ли вы добры объяснить, какого рода отношения существуют между индивидуальностями и обществом, и как они могут помогать друг другу эволюционировать?

Это очень сложный и фундаментальный вопрос. Во всем существовании лишь человек нуждается в правилах. Никакое другое животное не нуждается в правилах.

Вот первое, что нужно понять: в правилах есть нечто искусственное. Причина, по которой человек нуждается в правилах, состоит в том, что он перестал быть животным, но еще не стал человеческим существом; он остается в преддверии. Вот откуда необходимость во всех правилах. Если бы он был животным, необходимости не было бы. Животные прекрасно живут без всяких правил, конституций, законов, судов. Если человек действительно станет человеческим существом — и не только по названию, но и в реальности, — ему не нужны будут никакие правила.

Очень немногие люди до сих пор это понимали. Например, для таких людей, как Сократ, Заратустра, Бодхидхар-

ма, не было необходимости ни в каких правилах. Они достаточно бдительны, чтобы никому не причинять вреда. Им не нужны были ни законы, ни конституции. Если все человечество разовьется до такой степени, чтобы быть подлинно человеческим, в нем будет любовь, но не будет законов.

Проблема в том, что человек нуждается в правилах, законах, правительствах, судах, армиях, силах полиции, потому что он потерял естественное поведение животного, но еще не достиг нового естественного статуса. Он остается в промежутке. Он ни там, ни там; он в хаосе. Чтобы контролировать этот хаос, нужны законы.

Проблема становится еще более сложной, потому что силы, вовлеченные в то, чтобы контролировать человека, – религии, государства, суды – получили столько власти. Им нужно было дать власть; как иначе они смогли бы контролировать людей? И таким образом мы оказались в своего рода добровольном рабстве. Теперь, когда наши учреждения получили власть, развитие человечества не входит в их интересы. Они не хотят, чтобы человек эволюционировал.

Вы спрашиваете, как человек и общество, индивидуальность и общество могут эволюционировать. Вы совершенно не понимаете этой проблемы. Если эволюционирует индивидуальность, общество рассеивается. Общество существует лишь потому, что индивидуальности не позволено эволюционировать. Общественный аппарат веками контролирует человека и наслаждается собственной властью и престижем.

Он не готов позволить человеку эволюционировать, позволить человеку дорасти до точки, в которой он и его учреждения станут бесполезными. Множество ситуаций поможет вам это понять.

Это случилось в Китае, двадцать пять веков назад...

Лао-Цзы славился своей мудростью, и он был, без сомнения, мудрейшим из когда-либо живших людей. Император Китая очень скромно попросил его возглавить свой верховный суд, потому что никто не мог учитывать законы страны лучше него. Лао-Цзы попытался разубедить императора: «Я для этого не подхожу», но император настаивал.

Лао-Цзы сказал:

– Если ты не слушаешь меня... Достаточно будет одного дня в суде, чтобы ты убедился, что я для этого не гоюсь, потому что неправильна сама *система*. Из скромности я не говорил тебе правды. Либо могу существовать я, либо – твой закон, порядок и общество. Но... попробуем.

В первый же день в суд привели вора, который украл почти половину сокровищ у самого богатого человека в столице. Лао-Цзы выслушал дело и сказал, что и вор, и этот богатый человек должны на шесть месяцев отправиться в тюрьму.

Богатый человек воскликнул:

– Что ты говоришь? У меня же украли, меня ограбили – что это за справедливость, если ты посылаешь меня в тюрьму на тот же срок, что и вора?

– Я, несомненно, несправедлив к вору, – сказал Лао-Цзы. – Необходимость отправить в тюрьму тебя гораздо больше, потому что ты собрал себе столько денег, отобрал деньги у стольких людей... права тысяч людей попорчены, а ты собираешь и собираешь деньги. Для чего? Сама твоя жадность порождает этих воров. Ответствен ты. Первым было твое преступление.

Логика Лао-Цзы абсолютно ясна. Если будет слишком много бедных людей и очень мало богатых, нельзя будет остановить воров, нельзя будет прекратить воровство. Единственный способ его прекратить – это устроить общество таким образом, чтобы каждый имел достаточно, чтобы удовлетворить свои потребности, и ни у кого не было ненужных накоплений – просто из жадности.

Богатый человек сказал:

– Прежде чем ты отправишь меня в тюрьму, я хочу видеть императора, потому что твое решение не соответствует конституции; оно не соответствует закону этой страны.

Лао-Цзы ответил:

– Виноваты конституция и закон этой страны. Я за это не ответствен. Пойди и увидься с императором.

Богатый человек пришел к императору:

– Послушай, этого человека нужно немедленно удалить с его поста; он опасен. Сегодня в тюрьму могу отправиться я, завтра в тюрьме окажешься ты. Если ты хочешь спастись, этого человека нужно изгнать; он представляет огром-

ную опасность. И он очень рационален. То, что он говорит, правильно; я могу это понять – но он уничтожит нас!

Император прекрасно все понял. «Если преступник – этот богатый человек, то самый большой преступник в этой стране – я. Лао-Цзы без колебаний отправит меня в тюрьму».

Лао-Цзы был освобожден от поста.

– Я пытался сказать тебе раньше, – сказал Лао-Цзы, – ты напрасно потратил мое время. Я ведь тебе говорил, что для этого не гожусь. Реальность в том, что твое общество, твой закон, твоя конституция – неправильны. Чтобы управлять этой неправильной системой, тебе понадобятся неправильные люди.

Проблема состоит в том, что силы, которые мы создали, чтобы удержать человека от падения в хаос, теперь получили столько власти, что не хотят оставить вам свободы расти – потому что, если вы способны расти, способны стать индивидуальностью, бдительной, осознанной и сознательной, во всех этих силах не будет надобности. Люди силовых структур потеряют работу, а вместе с работой они потеряют престиж, власть, положение лидера, священника, папы – все это будет отнято. Так те, кто был нужен поначалу для защиты человечества, превратились в его врагов.

Мой подход состоит не в том, чтобы бороться с этими людьми, потому что у них есть власть, у них есть армии, у них есть деньги, у них есть все. Бороться с ними нельзя; боритесь – и вы будете уничтожены. Единственный выход из

этого хаоса – безмолвно начать расти в собственном сознании, и этому нельзя помешать никакой силой. Фактически, никто не может даже знать, что происходит внутри вас.

Я предлагаю вам алхимию внутренней трансформации. Измените свое внутреннее существо. И в то мгновение, как вы сами изменены, полностью трансформированы, внезапно вы видите, что свободны от тюремного заключения, что вы больше не раб. Вы были рабом из-за того, что находились в хаосе.

Это случилось во время русской революции...

В тот день, когда революция свершилась, одна женщина в Москве начала ходить по середине дороги. Полицейский сказал:

– Это неправильно. Нельзя ходить по середине дороги.

– Теперь мы свободны, – сказала женщина.

Даже если вы свободны, вам придется следовать определенным правилам дорожного движения, иначе движение станет невозможным. Если люди и машины начнут двигаться, куда им захочется, поворачивать, куда захотят, не обращать никакого внимания на светофоры, просто начнутся несчастные случаи, люди начнут гибнуть. Это создаст необходимость в армии, чтобы насадить закон, что двигаться нужно по правой – или левой, в зависимости от того, как принято в данной стране, – стороне дороги, но никто не должен двигаться посередине. Тогда, под дулом пистолета, вам придется начать следовать правилам. Я всегда помню эту женщину;

она очень символична.

Свобода не означает хаос. Свобода приносит больше ответственности, столько ответственности, что никому больше не нужно вмешиваться в вашу жизнь: вас можно предоставить самому себе, правительству не нужно ни во что вмешиваться, полиции не нужно ни во что вмешиваться, закон не имеет с вами ничего общего – вы просто вне этого мира.

Это мой подход: если вы действительно хотите трансформировать человечество, каждая индивидуальность должна начать расти сама по себе. И, фактически, для роста никакой толпы не нужно.

Рост – это нечто подобное тому, как ребенок растет в чреве матери; мать только должна быть осторожна. В вас должен родиться новый человек. Вы должны стать чревом для нового человеческого существа. Никто об этом не узнает, и лучше всего будет, если никто об этом не узнает. Вы просто продолжаете делать свою обычную работу, жить в обычном мире, быть простыми и обычными – не становясь революционерами, реакционерами, панками и скинхэдами. Это не поможет. Это сушая глупость. Я понимаю, что это происходит из-за разочарования, но все равно это патологично. Патологично общество, и из-за разочарования патологичными становитесь вы? Общество не боится патологичных людей; общество боится только людей, которые стали настолько центрированными, настолько сознательными, что законы стали для них бесполезны. Сознательный человек всегда поступа-

ет правильно. Он за пределами хватки так называемых интересов власти.

Если индивидуальности будут расти, роль общества уменьшится. То, что было известно как общество – с его правительством, армией, судами, полицейскими, тюрьмами, – это общество уменьшится. Безусловно, поскольку человеческих существ так много, в существование придут новые формы коллективности. Мне не хотелось бы называть их «обществом», просто чтобы избежать путаницы в словах. Я называю эту новую коллективность «коммуной». Это слово значительно: оно подразумевает место, где люди не просто живут вместе, но где люди находятся в глубокой сопричастности¹.

Жить вместе – это одно; мы это делаем: в каждом городе, в каждой деревне тысячи людей живут сообща – но какая между ними общность? Люди даже не знают своих соседей. Они живут в одном и том же небоскребе, – тысячи людей, – и так никогда и не знают, что живут в одном и том же доме. Это не общность, потому что между ними нет сопричастности. Это просто толпа, не сообщество. Поэтому я хотел бы заменить слово *общество* словом *коммуна*.

Общество держится на определенных основополагающих принципах. Вам придется их устранить, иначе общество не исчезнет. Первой и основной ячейкой общества была семья:

¹ С англ.: commune – коммуна; communion – здесь: сопричастность. – Прим. перев.

если семья останется такой же, что и сейчас, общество не сможет исчезнуть, церковь не сможет исчезнуть; религия не сможет исчезнуть. Мы не сможем создать единый мир, единое человечество.

Семья психологически устарела. И она существовала не всегда; были времена, когда семьи не было, и люди жили племенами. Семья начала существовать в связи с возникновением частной собственности. Были люди, у которых было больше власти, и которым удавалось получить больше собственности, чем другим, и они хотели передать это детям. До того времени вопрос о семье не поднимался. Но как только в существование пришла частная собственность, мужчина стал очень собственнически относиться к женщине. Он обратил и женщину в своего рода собственность.

В индийских языках женщина буквально называется «собственностью». В Китае женщина была собственностью до такой степени, что, даже если муж убивал жену, против этого не было никакого закона. Не совершалось никакого преступления – вы абсолютно свободны уничтожить свою собственность. Вы можете сжечь мебель, сжечь дом... это не преступление, это ваш дом. Вы можете убить жену...

С возникновением частной собственности женщина тоже стала частной собственностью, и были изобретены все возможные стратегии, направленные на то, чтобы мужчина мог быть абсолютно уверен, что ребенок, родившийся у его жены, – действительно его ребенок.

Это действительно проблема: отец никогда не может быть абсолютно уверенным; знает только мать. Но отец создавал все возможные преграды к тому, чтобы женщина могла свободно передвигаться, чтобы она могла сталкиваться с другими мужчинами. Все возможности и все двери были закрыты.

Не случайность то, что только старые женщины ходят в ваши церкви и храмы, потому что веками это было единственное место, куда им разрешалось ходить. Женщине можно было ходить в церковь, потому что было прекрасно известно, что церковь защищает семью. Церковь прекрасно знает, что, как только не станет семьи, не станет и церкви. И церковь, конечно, — это последнее место, где могут случиться какие бы то ни было романтические встречи. Против этого были приняты все меры предосторожности. И одна из гарантий — священник должен был быть безбрачным, он безбрачен, он против секса, он против женщин, в разных религиях, в разных формах.

Джайнский монах не может касаться женщины; фактически, женщина не должна приближаться к джайнскому монаху даже на расстояние восемь футов. Буддистскому монаху не разрешается касаться женщины. Есть религии, которые не позволяют женщинам входить в свои религиозные места, или там ставят перегородки, чтобы их отделить. Мужчины занимают главную часть храма или мечети, женщинам отведен небольшой, но отделенный перегородкой уголок. Мужчины не могут даже их видеть; встретить кого-либо невоз-

можно.

Многие религии, например, ислам, закрывали лица своих женщин. Лица мусульманских женщин стали бледными, потому что они никогда не видят солнечного света. Их лица закрыты, их тела закрыты, как только возможно. Женщина не должна получать образование, потому что образование дает людям всевозможные странные мысли. Люди начинают думать, люди начинают спорить...

Женщине не позволялось иметь оплачиваемую работу, потому что это означает независимость. И таким образом она была отрезана со всех возможных сторон, и по одной простой причине: чтобы мужчина мог быть уверен, что его сын – действительно его сын. Те, у кого было действительно много власти, – например, короли, – кастрировали слуг мужского пола, потому что они жили во дворце, работали и служили другим. Их приходилось кастрировать, иначе была опасность... И опасность была, потому что у каждого императора были сотни жен, многих из которых он никогда не видел. Естественно, они могли влюбиться в кого угодно. Но только кастрированные мужчины допускались во дворец, чтобы, даже если женщины влюблялись, они не могли создавать детей. Это было самое главное.

Семья должна исчезнуть и уступить место коммуне. Коммуна подразумевает, что люди собирают всю свою энергию, все деньги, все, что у них есть, в один резервуар, который позаботится о людях. Дети будут принадлежать коммуне, по-

этому не будет речи об индивидуальном наследовании. И если сложить в один резервуар всю энергию, все деньги и все ресурсы, каждая коммуна может быть богатой, и каждая коммуна может наслаждаться жизнью в равной мере.

Как только индивидуальности начнут расти, и коммуны станут расти бок о бок, общество исчезнет, и с обществом исчезнут все беды, этим обществом созданные.

Я приведу вам один пример.

Только в Китае две тысячи лет назад был совершен революционный шаг. Он состоял в том, что пациент платил доктору, только если оставался здоровым. Если пациент заболел, доктору платить было не нужно. Это кажется очень странным. Мы платим доктору, когда больны, и он снова делает нас здоровыми. Но это опасно, потому что вы делаете доктора зависимым от своих болезней. Болезнь становится его заинтересованностью: чем больше людей болеет, тем больше он может зарабатывать. Он становится заинтересованным не в здоровье, а в болезни. Если все будут оставаться здоровыми, тогда доктор окажется единственным больным!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.